

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Все в сад!

Борис Мильграм поставил на камерной сцене «Месяц в деревне»

Юлия Баталина

Зрителей, пришедших в «Сцену-Молот» на тургеневский «Месяц в деревне» в постановке художественного руководителя Театра-Театра Бориса Мильграма, на лирико-классический лад настраивают уже в фойе: здесь элегантным фоном звучит фортепиано, и звучит так, что хочется сказать именно «фортепиано», а не прозаично — «пианино». Звук инструмента русских усадеб в дальнейшем сопровождает всё действие, а красавица-пианистка Анна Шарпе удачно вписывается в сценическую эстетику.

Зритель заходит в зал — а спектакль уже идёт: изысканная Анна Сырчикова в чёрных кружевах слушает, как Александр Гончарук — столь же изысканный, в шейном платке с бриллиантовой булавкой — читает вслух, облокотившись о рояль. Читает он не что-то проходное, а «Графа Монте-Кристо», и театрал-завсегдатай сразу же вспоминает, что именно эта пара — Сырчикова и Гончарук — играет главные роли в мюзикле «Монте-Кристо. Я — Эдмон Дантес». Тонких «приветов» преданному зрителю в спектакле хватает, и эта постмодернистская игра очень украшает и разнообразит действие.

Взяввшись за постановку Тургенева, Борис Мильграм, на первый взгляд, отказался от излюбленного формального, режиссёрского театра и погрузился в театр актёрский, психологический. Однако полное погружение в этустихи в наши дни, наверное, невозможно, да и ненужно, и режиссёрских придумок в действии хватает. Постановщику удалось на редкость деликатно объединить два подхода — так, что и чувств ревнителей классики ничто не оскорбит, и любителей сценических экспериментов спектакль заинтересует. Всё получилось органично — примерно так же органично, как Анна Сырчикова, не выходя из роли Натальи Петровны, вворачивает дежурную фразу о необходимости выключить мобильные телефоны, а Александр Гончарук от имени своего героя Ракитина поёт фразу из песни Джо Дассена.

Анна Сырчикова на протяжении всего спектакля притягивает зрительские взгляды. Пожалуй, впервые она играет свою ровесницу, а не юную барышню, и эта роль очень ей впору — она «села» на актрису, как хорошо скроенное платье. Столь же органичен и её визави — несчастный воздыхатель и лучший друг Михаил Ракитин в исполнении Гончарука. Совершенно очарователен Вячеслав Чуистов, который тоже, пожалуй, впервые примеряет новую роль — простоватого, нескладного сельского интеллигента, мужа героини Аркадия Ислеева. Эта роль мило смотрится на нём, как слегка помятый летний льняной костюм, который он, собственно, и носит.

Костюмы (художник-постановщик Екатерина Никитина) здесь упоминаются не все: каждая деталь в них значима. Шляпы, каблуки — всё это знаки состояния героев. Вот безупречная Наталья Петровна теряет самообладание, а вме-

сте с ним и одну из туфель, и начинает хромать — но с гордо поднятой головой! Вот Михаил Александрович выходит из себя — и страдает щегольская шляпа. Верочка-девочка бегает в коротеньком белом платьице и тапочках-балетках, а заявляет о своей взрослости уже в ярко-красном наряде и высоких сапогах на каблуке.

В оформлении спектакля, как нетрудно заметить, множество анахронизмов, но ни один из них не нарушает «тургеневскости», стиля провинциального русского дворянства, каким он видится сквозь наслаждения времени и литературной традиции. Белые одежды, красная малина, фортепиано (всю мебель на сцене «играют» несколько фортепианных табуретов), неспешные прогулки в саду. Он — сад — то ли зимний, то ли летний, виднеется сквозь матовое стекло оранжереи на заднем плане, и герои то и дело по нему неспешно прогуливаются.

А те, кто на авансцене, всё время в диалоге, всё время выясняют отношения. Становится понятно, почему Мильграм выбрал камерную, а не полноформатную постановку: ему было важно сохранить естественные интонации, позволить героям шептать. В большом зале эта интонация неизбежно была бы утеряна независимо от того, пришлось бы героям форсировать голос или пользоваться микрофонами.

Диалоги все на одну тему: «Вы его любите!» — «Да нет, не люблю...» — «Нет, любите, любите!» — «Да, люблю!» А кажется, что говорят о совсем другом. Вот Наталья Петровна обсуждает с учителем Беляевым своего сына Колю. Вот Беляев и Вера делятся ощущениями от сиротства, от потери родителей. Вот Беляев и Ракитин тоже о чём-то совершенно нейтральном беседуют... Но совершенно очевидно, что есть подтекст, и он важнее, чем то, что произнесено: Мильграм ставит диалоги так, что словам в них тесно, они буквально насыщаются друг на друга, а вот чувствам просторно — их вмещается очень много.

И всё же, несмотря на тонкую режиссуру и элегантный актёрский ансамбль, нечто мешает по-настоящему верить героям, по-настоящему им сопереживать... Иван Вильхов, играющий Беляева, «примерил» роль явно не по размеру. Он не то чтобы плохо играл — игру оценить просто невозможно, потому что его фактура сопротивляется навязанному образу. Он вовсе не выглядит молодым и ловким, в нём нет той очаровательной свежести, того победительного

обаяния, которое сразило героянью наповал. Это несоответствие того, о чём говорится, и того, что видят зритель, жестоко разрушает хрупкую конструкцию любовного многоугольника. Если тут какая-то хитрая режиссёрская задумка, то зрителю она совершенно не видна.

Вильхов — новичок из недавно набранной стажёрской группы театра. Для него и для нескольких его ровесников этот спектакль стал одним из первых профессиональных экзаменов. Алине Бычковской режиссёр слов не доверил, но роскошная фактура очень украсила «тургеневскую» сельско-дворянскую реальность. А вот у Евы Шейкис роль Верочки одна из главных, и по контрасту с опытной Сырчиковой видно, насколько юной актрисе ещё недостаёт естественности, как иногда по-книжному она говорит.

Впрочем, как все молодые актёры, и Иван Вильхов, и Ева Шейкис не могут пока что играть ровно. Возможно, их таланты лучше раскроются в спектаклях, поставленных специально для стажёрской группы — «Десять заповедей» и «Конституция».

ФОТО ТИМУР АБАСОВ